

ФИНАЛИЗМ ИСТОРИИ КАК ТЕМАТИЧЕСКАЯ СТРУКТУРА В СОЦИАЛЬНОЙ ФИЛОСОФИИ

© 2021 А. В. Сенкевич

Воронежский институт высоких технологий (Воронеж, Россия)

В данной статье рассматриваются истоки, значение и трансформации представлений о финале истории. С этой целью представлен обзор выборочных философских концепций от раннего Средневековья до сегодняшнего дня. Автор делает вывод, что идея финализма в различных интерпретациях служит предостережением от опасности или выражает стремление к некому идеалу, недостижимому для индивида, но возможному для человеческого рода. Оба варианта порождены незавершенностью человека как жизненного проекта.

Ключевые слова: история, финализм, экзистенциализм, глобальные проблемы.

Вот уже два тысячелетия идея завершения исторического процесса существует как элемент мировоззрения большей части человечества. Для социальной философии это представление является тематической структурой, по терминологии Д. Холтона, т. е. пронизывает различные концепции и видоизменяется в зависимости от эпохи. В данной статье предпринята попытка ответа на вопрос, почему данная идея столь значима и устойчива. С этой целью представлен обзор ее трансформаций в выборочных философских концепциях вплоть до сегодняшнего дня.

Понимание истории как специфической сферы человеческого бытия, движение которой отличается линейностью и необратимостью, связано с утверждением христианства. Такие принципы, как креационизм, эсхатологизм и монизм в отношении к творцу истории задают единую линейную модель, в которую включены различные стадии социального бытия. Именно в рамках христианской парадигмы формулируется центральная проблема философии истории – существование человеческой истории, ее механизмов и стадий, а также перспектив дальнейшего развития человечества. В этом – коренное отличие от античных концепций, ориентированных на цикличность социальной жизни. Создателем первой теории истории человечества, ориентированной в большей степени в будущее, чем в прошлое, называют Августина Блаженного.

Мир у Августина не пребывает неизменно-циклически как природа, но разворачивается как история, имеющая начало, точку кульминации и ожидаемый финал, наполненная глубоким священным смыслом, заключенным в спасении человечества Богом. Принцип креационизма формирует представление о некоей временной точке, начиная с которой возникает особое отношение – отношение Творца и творения, носящее динамичный, драматический характер. Необходимо было согласовать это однократное действие Творца с Его вечностью и неизменностью, что и делает Блаженный Августин в своем знаменитом сочинении «О Граде Божьем». Основанием рассуждений для него выступает идея единого всемогущего Бога, стоящего над сотворенным им миром: «Он, будучи Сам вечным и безначальным, начал, однако же с некоторого момента, сотворил во времени и времена и человека, которого прежде никогда не создавал, и сотворил не по новому и внезапному, а по вечному и неизменному решению» [1, 20]. Жизнь человеческого рода предстает как всемирная история благодаря тому, что она задумана и создается единым божественным субъектом.

Другой важнейший элемент христианского вероучения – явление Иисуса Христа – «это историческое откровение в том смысле, что оно явлено в историческом времени и явлено в образе, которому присущи все моменты

Сенкевич Алла Владиславовна – Воронежский институт высоких технологий, канд. филос. наук, доцент, alla.senkevich@bk.ru.

«случайного» в метафизическом смысле и индивидуально-человеческого исторического существования» [6, 11]. Будучи также однократным, пришествие Христа делит историю на периоды до, во время и после него. Тем самым время наделяется качественными отличиями. Августин расчленяет его на этапы, соотнося каждый с определенным возрастом человека: как каждый возрастной этап необходим в становлении личности, так и все исторические эпохи самоценны и приближают человечество к конечному пункту его развития. Тем самым выражается поступательность в реализации божественного плана.

Еще один важный элемент христианских представлений о всемирной истории – ее конец, отнесенный в неопределенный момент будущего и напряженно ожидаемый. Он имеет значение не только для того поколения, которое будет жить в то время, но и для всех предыдущих благодаря идее воскрешения и Страшного Суда. Таким образом, конец истории затрагивает жизнь каждого человека, превращая ее в драму отношений между Богом и душой.

Линейная схема исторического процесса, данная Августином, являлась определяющей и в Новое время, но ее содержание существенно изменилось под воздействием такой культурной доминанты эпохи, как могущество человеческого разума, умноженное на неограниченные творческие возможности. В культуре этого периода человек противопоставляет природе как объекту и созидает собственную среду обитания.

Общая схема исторического процесса в данную эпоху выглядит так: совершенствование человеческого разума, которое, будучи направляемо божественным провидением или изначальной природной целесообразностью, воплощается в наиболее совершенных формах социальной жизни. В конечном счете, состояние настоящих и будущих отношений между людьми зависит от раскрытия разумом неких надисторических истин. При этом отдельный человек действует под влиянием своих интересов, страстей и влечений, результатом чего часто становятся страдания, разрушения, зло. Свойственная просветителям вера в торжество общественного прогресса, гуманистических начал в социальной и индивидуальной жизни оказывалась изначальным предуготованной, запланированной своеобразно интерпретированным

провидением. Разум же понимался как вечное свойство человеческой природы, достигающее полного развития не в индивидуе, а в роде.

Идеи Просвещения (и предшествующей философии), усвоенные и переработанные Г. Гегелем, привели к созданию его оригинальной концепции, где история человечества, являясь этапом саморазвертывания мирового духа, находит свое завершение в конкретном государственном устройстве. Свобода и разум – сущность мирового духа (Абсолютной Идеи) и одновременно принципы истории.

Исчерпав логику своего развития, мировой дух обретает свое полное воплощение в современных Гегелю странах Западной Европы. При этом все предшествующие эпохи значимы как подготовка к этому состоянию.

Уже во 2-й половине XIX века в противовес субстанционалистскому пониманию истории складываются концепции, в которых она наделяется множеством смысловых интерпретаций. Предпосылками новых взглядов явились как разочарование в идеях Просвещения, так и критическое восприятие немецкой классической философии. Сомнению подверглись прежние критерии, на основе которых ход истории объявлялся прогрессивным. Теперь же ее истолкование было поставлено в зависимость от позиции индивида (В. Дильтей, Б. Кроче, Дж. Коллингвуд).

В начале XX века один из крупнейших представителей цивилизационного подхода к изучению общества – О. Шпенглер – видел «вместо безрадостной картины линейнообразной всемирной истории (...) феномен множества мощных культур, с первобытной силой вырастающих из недр породившей их страны» [8, 151]. Человечество, которое сам автор прямо именует «материалом», несет на себе отпечаток конкретной культуры в виде некоторой смысловой доминанты, которую Шпенглер называет «душой». Эта «душа» определяет научные, эстетические, религиозные и другие ценности и достижения того или иного народа, а также и способ видения самой истории. При этом европейская культура вовсе не является эталоном для всех прочих; вместе с линейностью истории мыслитель отвергает и европоцентризм с его традиционной схемой «Древний мир – Средние века – Новое время». Все культуры разнообразны, но равноценны.

История, по Шпенглеру, – продолжение органической жизни. Культуры, подобно живым организмам, проходят в своем примерно тысячелетнем существовании этапы зарождения, роста, расцвета, упадка и неизбежной гибели, связанной с переходом культуры в цивилизацию, преобладанием материального комфорта в интересах людей. В этом мыслитель видел действие всевластной судьбы, которой изначально подчинены все возникающие в истории культурные массивы. Судьбу он противопоставил категории причинности, используемой традиционным философским мышлением и наукой, считая, что только так может постигаться жизнь.

Человек, включенный в природную и историческую жизнь, назван Шпенглером «хищным животным», которое благодаря своей «неспециализированности» способно к культурному созиданию и покорению окружающего мира. Но эта способность не преодолевает изначальной временной ограниченности жизни каждой культуры и ее неустранимого финала.

В русской религиозной философии тема исторического финализма очень остро проявилась как эсхатология в связи с общественными потрясениями начала XX века. В творчестве Н. А. Бердяева история тесно переплетается с индивидуальной этикой.

Начавшись с небесной истории, бытие человечества в результате грехопадения перешло к истории земной. Время, существующее в ней, названо Бердяевым «больным», «злым», «смертоносным», поскольку будущее, истребляя прошлое, само, в конечном счете, повергается в небытие и несет гибель всему живому.

Особенно негативной мыслителю представляется идея прогресса, имеющая религиозные корни, но приобретшая антирелигиозный характер с конца XVIII века. Все эпохи и поколения прошлого лишаются собственной ценности и представляются лишь средством для осуществления некоей неведомой цели в будущем. Для этого нет внутренних оснований, поэтому учение о прогрессе Бердяев называет морально противоречивым. Проблема времени неразрешима в теории прогресса так же, как и этические проблемы, поставленные Бердяевым во всей остроте.

Противоречия и трагизм каждой индивидуальной судьбы неискоренимы и неразрешимы в пределах земной истории, поэтому

мыслитель убежден, что этика должна иметь финал, совпадающий с завершением исторического процесса. Тогда они приобретают положительный смысл. Смысл истории предполагает нарастающую борьбу добра и зла, раскрывающуюся через человека. Он пишет так: «Когда мы приблизимся к вечному царству Духа, то мучительные противоречия жизни будут преодолены и страдания, которые под конец усилятся, перейдут в свою противоположность, в радость; ... и все живые будут участвовать в конце» [2].

Социальная философия в новейшее время отказалась от построения всеобъемлющих философско-исторических концепций и переориентировалась на вопросы методологии. На рубеже XX – XXI вв. интерес к тематической структуре финализма возрождается, переплетаясь с политологическими, социологическими, демографическими исследованиями.

Так, в 1989 году появилось эссе, а вслед за ним, в 1992 г., и книга Ф. Фукуямы «Конец истории». Ключевая идея автора состояла в том, что мир конца XX столетия раскалывается на две части: одна принадлежит истории, вторая, прогрессивная, – постистории. Все больше государств завершают свою социокультурную эволюцию, вступая на путь либерализма в политике и экономике. Западный мир переживает триумф капитализма и демократии, которым нет альтернатив, а распространение западной идеологии и культуры в мировом масштабе – это и есть «конец истории».

Депопуляция населения Европы детально проанализирована в книге П. Бьюкенена «Смерть Запада» (2002 г.). Автор крайне обеспокоен тем, что при сохранении нынешних тенденций «колыбель западной цивилизации станет и ее могилой» [3].

Незаинтересованность многих современных европейцев и американцев в семье и детях тесно связана с «обществом потребления» и гедонизмом как доминирующей жизненной установкой. Люди, разные по национальности, полу и профессии, объединены общим стремлением испытывать больше удовольствий и нести меньше расходов и забот. В Германии этот жизненный принцип выразился в формуле: «Сдвоенный доход и никаких детей». Та же мысль отражена в словах молодой жительницы США, чьи слова приводит Бьюкенен: «Если бы у меня был

ребенок, я бы не смогла сделать и половины того, что делаю и принимаю как данность. Каждую субботу в 10:30 утра, еще нежась в постели, мы с мужем смотрим друг на друга и одновременно произносим: "Слава богу, нам не надо вставать в пять утра, чтобы накормить малыша". Нам очень хорошо вдвоем; кто знает, как изменятся наши отношения, если мы введем в это уравнение третьего?» [3]. При этом западный мир активно заселяется мигрантами.

Наконец, под влиянием нарастающей опасности глобальных проблем новейшей тенденцией в социально-философской мысли стали размышления о катастрофическом финале истории.

В связи с этим представляет интерес вариативность современного мира, как она рассматривается Э. Гидденсом. Он описывает два возможных пути развития событий. Первый связан с благополучным разрешением человечеством глобальных проблем. Три составляющие такого мира – это «система-после-бедности», позволяющая всем регионам достичь экономического благосостояния, отсутствие войн и гуманизация технологий. Второй сценарий характеризуется серьезнейшими экологическими бедствиями, тоталитаризмом и возможностью ядерной войны. Мыслитель высказывает предостережение: «Никакие силы провидения не вмешаются, чтобы спасти нас, и никакая историческая телеология не гарантирует, что эта вторая версия постмодерна не вытеснит первую» [4, 347].

Таким образом, идея финализма в различных интерпретациях служит предостережением от опасности или выражает стремление к некому идеалу, недостижимому для индивида, но возможному для человеческого рода. Оба варианта порождены самими экзистенциальными основами человека: его конечностью, несовершенством и незавершенностью как жизненного проекта.

По словам представителя западного религиозного экзистенциализма К. Ясперса, «мы стремимся понять историю как некое целое, чтобы тем самым понять и себя. Исторически познанное является – даже в своей достоверности и объективности – не безразличным содержанием, но моментом нашей жизни» [9, 240].

Ясперс задавался вопросом, почему вообще существует история. Ответ следует искать, обращаясь к исходным бытийным

характеристикам человека. Историчность индивида обуславливает его постоянное стремление к тотальности, к идеалу, которое никогда не может быть полностью воплощено. Кроме того, историчность кроется в человеке не как в природном существе (в этом случае люди взаимозаменяемы, их характеристики повторяемы), но как в существе духовном. В отношении к прошлому это означает возможность бесконечной интерпретации; в отношении к будущему – безграничную открытость, поле возможностей. Прервать ход истории может лишь катастрофа космического масштаба.

Свои собственные возможности человек соизмеряет с открывающимися историческими альтернативами, а потому не может не стремиться к постижению целостности истории и видению ее в ценностном измерении. Философия истории призвана помочь современному человечеству и отдельному человеку «обрести себя в новых исторических реалиях, осмыслить меру их желанности или нежеланности, подумать о возможности и необходимости изменения привычных жизненных ориентиров и стереотипов социального поведения...» [5, 133].

Итак, состоянию и процессу глобализации современного мира соответствует антропологизация истории и укрепление на этой основе тезиса об исторической ответственности человека. Возрастающий темп технологических, социально-экономических изменений и наличие глобальных проблем делают ход истории крайне непредсказуемым, и благополучный исход не гарантирован человеку. Определение индивидом личных ценностных приоритетов и их реализация в его судьбе одновременно выступают фактором, направляющим вектор общественного развития в ту или другую сторону. Несовместимость личной судьбы и судьбы всечеловеческой означает неподлинность обеих, необходимость радикального пересмотра доминирующих ценностей. Необходимо ясное понимание того, что «человечеству не предуготована никакая иная судьба, кроме той, которую оно, через посредство своего умственного и духовного состояния, готовит себе само» [7, 348].

ЛИТЕРАТУРА

1. Августин Блаженный Творения. В 4-х т. Т. 4: О Граде Божиим (кн. XIV – XXII) /

Августин Блаженный. – СПб.: Алетейя, Киев: УЦИММ-Пресс, 1998. – 586 с.

2. Бердяев Н. А. Экзистенциальная диалектика божественного и человеческого / Н. А. Бердяев. <https://litlife.club/books/114520>

3. Бьюкенен П. Смерть Запада / П. Бьюкенен. <https://azbyka.ru/fiction/smert-zapada/>

4. Гидденс Э. Постмодерн / Э. Гидденс // *Философия истории: Антология: Учеб. пособие для студентов гуманитар. вузов* / Сост., ред. и вступ. ст. Ю. А. Кимелева. – М.: Аспект Пресс, 1995. – С. 340-347.

5. Момджян К. Х. Социум. Общество. История / К. Х. Момджян. – М.: Наука, 1994. – 239 с.

6. *Философия истории: системно-исторический очерк* // *Философия истории: Антология: Учеб. пособие для студентов гуманитар.*

вузов / Сост., ред. и вступ. ст. Ю. А. Кимелева. – М.: Аспект Пресс, 1995. – С. 3-19.

7. Швейцер А. Благоговение перед жизнью как основа этики миро- и жизнеутверждения / А. Швейцер // *Глобальные проблемы и общечеловеческие ценности: Пер. с англ. и франц.* / Сост. Л. И. Василенко и В. Е. Ермолаевой; ввводн. ст. Ю. А. Шрейдера. – М.: Прогресс, 1990. – С. 328-351.

8. Шпенглер О. Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории. В 2-х т. / О. Шпенглер; пер. с нем., вступ. ст. и примеч. К. А. Свасьяна. – М.: Мысль, 1998. – Т. 1: *Гештальт и действительность.* – 663 с.

9. Ясперс К. *Смысл и назначение истории* / К. Ясперс. – 2-е изд. – М.: Республика, 1994. – 527с.

FINALISM OF HISTORY AS A THEMATIC STRUCTURE IN SOCIAL PHILOSOPHY

© 2021 A. V. Senkevich

Voronezh Institute of High Technologies (Voronezh, Russia)

This article examines the origins, meaning and transformations of ideas about the final of history. For this purpose, an overview of selected philosophical concepts from the early Middle Ages to the present day is presented. The author concludes that the idea of finalism in various interpretations serves as a warning against danger or expresses the desire for some ideal that is unattainable for the individual, but possible for the human race. Both options are generated by the incompleteness of a person as a life project.

Keywords: history, finalism, existentialism, global problems.